

Известия. - 1994. - 3 февр. - с. 4

Лев
ДОДИН:

ЧЕМ ТРУДНЕЕ ЖИЗНЬ, ТЕМ ПРОДУКТИВНЕЕ ИСКУССТВО

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

Премьера «Клаустрофобии» — нового спектакля Петербургского Малого драматического театра, которая состоялась на сцене Театра парижского пригорода Бобиньи, стала заметным событием. Авторитетная французская газета «Монд» помещает — случай исключительный — на первой полосе посвященную спектаклю статью «Свободные дети России». Газета «Либерасьон» публикует целое приложение, рассказывающее о труппе и ее режиссере Льево Додине.

Помимо «Клаустрофобии», петербургский театр покажет в Париже еще одну премьеру — «Вашинев сад», а также свою классику — «Братья и сестры», «Звезды на утреннем небе» и «Гаммаус». Последний недавно был отмечен во Франции как лучший иностранный спектакль года.

Наконец, директор театра Еропы «Одеон», испанский режиссер Луис Паскуале репетирует с додинскими актерами пьесу Бернара-Мари Кольтеса «Роберто Зукко», которая будет показана в Париже. Словом, получился целый сезон Малого драматического театра во Франции.

Почему же его новый спектакль назван «Клаустрофобия»? — Это, как известно, психическое заболевание — боязнь закрытого пространства, — говорит Лев Додин. — Наш спектакль — попытка образно сформулировать, что же толкает человека к взлетам и падениям, к разрушению себя самого.

— Можно ли считать «Клаустрофобию» болезнью чисто российской, а спектакль — зеркалом, в котором отражается наша действительность?

— Конечно, любой спектакль мы делаем на материале нашей жизни, но проблема достаточно универсальная, мировая. Мы все болееем одними болезнями — разве что у нас они проявляются острее. Судя по первым отзывам, французам поняли это. Они что-то узнают о России, но видят в спектакле и самих себя. — Некоторые критики увидели

ли в клаустрофобии вставку национализма.

— Я думаю, что любая разрушающая энергия может существовать в национализме, в партийности, в чем-то еще... Но наш спектакль задуман более глубоко. Человеку в этом мире тесно, ему тесно в самом себе. В его природе есть что-то разрушительное, что ищет выхода. Сказать об этом, заставить зрителя понять это и испугаться — вот наше желание, и в «Клаустрофобии», и вообще в нашей работе.

— Какие тексты легли в основу спектакля, состоящего из сценических?

— Много сочиненного нами самими, много импровизации; есть и мотивы новых российских авторов — Владимира Сорокина, Людмилы Улицкой, Венедикта Ерофеева...

— В «Клаустрофобии» есть и ленинская тема — дуэт Владимира Ильича и Надежды Константиновны...

— Это наша собственная импровизация... Авторский театр: спектакль свободный, построенный на сиюминутных впечатлениях нашей сегодняшней души.

— Поражают актеры, которые способны на все, — играют на музыкальных инструментах, поют, танцуют, выполняют акробатические номера...

— Это принцип нашей школы: артист должен уметь выразить себя всеми возможными средствами. Несмотря на окружающую мраку, сила театра, азарт актеров говорят о человеческих возможностях, о выходе из клаустрофобии через творческую энергию.

— Ваш спектакль, пишет газета «Монд», внушает надежду на то, что Россия остается несломленной, живой, осознающей свои силы.

— Для французов это очень важно. Потому что, как и с «Гаммаусом», они заряжаются энергией, которой не хватает им самим, получают ее из неблагоприятной России.

— Вы говорите об энергии. Что вы имеете в виду?

— Искусство вообще есть энергия, и прежде всего духа. К сожалению, и в жизни, и в театре много деятельности, имитирующей энергию, мы ведь часто под этим словом понимаем только внешние проявления — много шума, много крика. Поэтому, когда энергия действительно живая и люди ее ощущают, это становится потрясением.

— Луис Паскуале считает, что западный театр обязан русскому, который все придумал в XX веке. Чем вы объясните такой интерес к нашему театру?

— В нем есть живая боль. Быть может, чем неблагоприятнее жизнь, тем продуктивнее искусство. Как ни печально...

— То есть для расцвета театра есть наиболее благоприятные эпохи?

— У нас нет опыта благополучной жизни. Но наше неблагоприятное способно рождать творческий импульс. Это важно понимать, потому что в последнее время мы готовы все признать нигде не годным — и культуру, и театр, и литературу. Но все это — создания духа, который жив. Отсюда и интерес к нам во Франции, в Англии, в других странах. Культура в России есть, — может быть, это немногие из того, что осталось и что может нас спасти.

— Ваши актеры играют для западной публики так же, как и для российской?

— Играть так же, принцип подачи один и тот же. Они с удовольствием играют и дома. Им, конечно, интересно выступать и на Западе. Они чувству-

ют свою нужность. Это особенно важно, когда в нашей стране слишком многое унижает, начиная от нищенских зарплат, которые вызывают презрение окружающих или семьи. Выступая на Западе, они получают ощущение собственной значимости, причастности к мировой культуре. Актеры за это время много увидели, узнали, прочитали, изучили языки. Они стали как бы гражданами мира. И в этом, может быть, одно из спасений от клаустрофобии. Убежден, поэт в России больше, чем поэт, а театр — больше, чем театр. И одна из скучных сторон Запада заключается в том, что театру отведена своя ниша. Против этого никто не пытается бунтовать, за редким исключением, все с этим смирились. Но там, где все расставлено по нишам, — уже не театр, а мебель.

— В ваших интервью вы весьма критически отзывались о западном театре.

— Театр сейчас везде, и особенно на Западе, переживает довольно трудные времена, за исключением некоторых трупп: Питера Брука, Джорджии Стрелера, Петера Штайна, которые остаются для меня фантастически интересны. Но рядовой западный театр живет довольно скучно и очень производственно. Он вписан в индустрию, в западную расчетливость. Постоянных трупп нет. Короткие сроки, репетиции всегда выверены и не могут нарушаться. При один день, иначе рухнет вся финансовая организация. Спектакль, который играется один, два, максимум три месяца, создается как продукт скоропортящегося, а не продукт большой культуры. Все это грозит и нам. И поэтому мне хочется предупредить: это не тот путь, которым стоит восхищаться. При всех наших сложностях русская модель театра по-своему уникальна, ее нужно сохранять и развивать, а внутри ее можно сделать много революционного и художественного.